

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Клаус В.

МЫ, ЕВРОПА И МИР

KLAUS V.

My, Evropa a svět. – Pr., 2013. – 180 s.

Написать эту книгу Вацлав Клаус задумал в последний год своего президентского срока (2012). По его словам, это были 23 года существования в политике, чего перед ноябрем 1989 г. он не мог предположить и не планировал. Он мечтал о возвращении к академической карьере, которую прервал август 1968 г. В дни Бархатной революции он неожиданно быстро был вовлечен в политику, что имело множество последствий. Более 20 лет его лицо ежедневно мелькало на экране телевизора, о нем постоянно писали в средствах массовой информации. Он, однако, сомневается, что его взгляды понятны всем, и одной из попыток их объяснить является написание этой книги.

С читателями он хотел поделиться чувством разочарования, проистекающего из того, что современный мир все более отделяется от идей общества «Мон Пелерин», от идей свободы, парламентской демократии, рыночной экономики. В. Клаус отмечает, что

у него не было предвзятого критического отношения к политической, экономической, социальной и в целом общественной ситуации в стране. Напротив, в первой половине 1990-х годов ему казалось, что под влиянием происходивших тогда фундаментальных изменений Чехия приближается к миру, сформированному на основе этих идей. Теперь он испытывает совершенно противоположные чувства как от развития в Чехии, так и в Европе, да и во всем западном мире.

Основу книги составляет ее вторая часть, состоящая из 15 разделов. В них рассматриваются «узловые», в понимании В. Клауса, переломные и ключевые моменты более чем 20-летнего периода. Это – крах коммунизма, распад Советского Союза, объединение Германии, югославская трагедия, Маастрихтский поворот, раздел Чехословакии, стремительный взлет Китая, чешский валютный кризис 1997 г., события 11 сентября 2001 г., иракская война 2003–2011 гг., референдум о «Европейской конституции» во Франции, кульминация кампании сторонников теории глобального потепления, финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг. и его последствия, трагическая смерть Леха Качиньского, «арабская весна».

Очевидны также их временная последовательность и связь между ними. К некоторым событиям он возвращается неоднократно – Маастрихтскому договору (раздел

2.5) помимо всего прочего породившему евро; Лиссабонскому договору (раздел 2.11), который пытался усилить европейскую унификацию и столкнулся с финансовым и экономическим кризисом (раздел 2.13), обнажившим наготу этого проекта. Югославская трагедия (раздел 2.4) связана с войной в Афганистане (раздел 2.9) и в Ираке (раздел 2.10).

Третья часть посвящена размышлениям о том, что делать с этим неблагоприятным развитием, поскольку «it is impossible to think clearly in understatements» («невозможно ясно мыслить в недосказанности»). Клаус позаимствовал это выражение у Ортеги-и-Гассета. Речь у него идет о призыве задуматься и сформулировать политические решения.

В. Клаус с огорчением констатирует, что мир, в котором он живет, гораздо более социалистический и даже коммунистический, в любом случае менее свободный, чем тот, какой он представлял себе в порыве первоначального энтузиазма накануне Бархатной революции.

Человеку, который жил при коммунизме и безмерно радовался его падению, сегодня в иные минуты кажется, что во многом он опять возвращается в эпоху, которую уже однажды пережил и о которой думал, что она окончательно ушла в прошлое.

«20 лет тому назад мы наблюдали и на собственной шкуре ощущали, что прямо перед нашими глазами и при нашем личном участии (а возможно и благодаря

нашим заслугам) происходит радикальное и бесспорно в своей основе позитивное движение по оси несвобода–свобода, государство–рынок. Мы хотели больше свободы и меньше государства, что и происходило в реальности. Это не было иллюзией. И тогда, так же, как и сейчас, максимум свободы и минимум вмешательства государства казались нам решающими для человеческой жизни» [с. 14–15]. «Мы не хотели большего равенства в доходах, позитивной дискриминации, минимизации выбросов CO₂, более короткой рабочей недели и более длительного отпуска, большей или меньшей исламизации мира и тому подобного. Все это должно было стать результатом свободного общественного взаимодействия, а не вынесенной за скобки целью. Именно в этом мы видим основное различие между нами и социалистами всех видов» [с. 15].

В результате Бархатной революции 1989 г. в Чехии была создана система политической свободы и парламентской демократии, которая сменила предшествующий не свободный, авторитарный, а в определенные периоды и тоталитарный политический режим. В экономике стали доминировать рынок вместо планирования и частная собственность вместо государственной. Настали всеобщая либерализация, отмена регулирования и субсидирования не только в экономической области. Во всех своих ролях государство отступило на второй план, а свободный индивид, наоборот, вышел вперед.

В начале второго десятилетия XXI в. ситуация представляется В. Клаусу совершенно иной. По его мнению, от капитализма и свободы опять, к сожалению, понемногу отщипываются куски. И приближение Чехии к ЕС также означало и означает отступление от капитализма. У автора возникает вопрос: были ли у него 20 лет назад неуместные и неоправданные иллюзии? Отвечая на него, он подчеркивает, что у него была сильная и оптимистическая вера в долгосрочно действующую силу принципов свободного мира, в силу рынка, в силу идей свободы и в способность претворить эти идеи на практике, как только падет тоталитарная система.

Анализируя общественные процессы, развернувшиеся в 60-е годы XX в., В. Клаус, приходит к заключению, что в результате мир явно сдвинулся влево. Хотя советский коммунизм чах и разрушался, однако некоторые его черты – в несколько измененной форме – переселились на Запад. И эта инфекция 60-х годов все расширяется и укрепляется, и снова начинает доминировать в современном мире.

Под углом зрения урона, наносимого современной демократии, В. Клаус критикует идеологию гражданского общества и ее чешского адепта В. Гавела. Невосполнимый урон демократическому развитию также наносят такие течения современности как «хьюманрайтизм» (от англ. human rights) и политкорректность. С хьюманрайтизмом и политиче-

ской корректностью тесно связан радикальный подъем еще одной современной альтернативы или суррогата демократии, для обозначения которой автор использует специальный термин – юстициократия. Сегодня, пишет В. Клаус, мы являемся свидетелями того, что политическая власть, хотя медленно и почти незаметно, но весьма последовательно отбирается у прошедших через выборы политиков и передается никем не избранным судьям. Иначе говоря, основу юстициократии составляет отсутствие демократии.

После падения коммунизма, отмечает В. Клаус, мы недолго наслаждались истинной свободой личности, поскольку наша демократия очень быстро превратилась в медиакратию, которая представляет собой еще одну альтернативу демократии, вернее еще один путь уничтожения демократии.

Критикуя современное состояние европейской интеграции и Европейского союза, В. Клаус высказывает недоумение в связи с позицией многих классических либералов, которые выступают против всего национального (неправомерно связывая его с государственным). По его мнению, транснациональный и сверхнациональный мир является более подходящей почвой для застоя и не-свободы, чем национальный и интернациональный.

Автор выражает надежду, что капитализм продемонстрирует такую силу, что все названные недостатки будут исправлены. Ссылаясь на Хайека, он подчеркивает,

что ««свобода сохранится, если каждое поколение будет снова ее формулировать и подчеркивать ее ценность. Теперь настала очередь нашего поколения и наших детей сделать это» [с. 39].

В. Клаус считает, что не бывает «объективного» изложения истории. «Мы всегда смотрим на нее с определенной точки зрения. И с определенным интересом. Это только некоторые режимы (или отдельные личности) считают, что существует объективное изложение истории. Чаще всего их собственное» [с. 42].

Анализируя крах коммунизма, В. Клаус приводит свои прежние рассуждения о том, что «коммунизм не был побежден, а распался сам по себе». Распался из-за своих внутренних проблем. Был слишком слабым и неуверенным в себе. Роль «остального мира» в его кончине была вторичной. Ключевым обстоятельством стало то, что коммунизм одновременно рухнул и в Советском Союзе, поскольку изолированная попытка изменить эту систему, предпринятая Чехословакией во второй половине 60-х годов, надежды на успех не имела, в чем мы наглядно убедились 21 августа 1968 г.

«Главным выводом, к которому я пришел в результате своих рассуждений, является то, что люди не извлекли никаких выводов и идей из краха коммунизма. Особенно это заметно по тому, в каком направлении развивается интеграционный процесс в Европе. Многие считают провокационным, когда мы порой сравниваем ЕС и

СЭВ, но мы не сравниваем прежнюю и нынешнюю политическую систему, прежнюю и нынешнюю свободу. Мы сравниваем структуру и методы принятия решений в искусственно интегрированном целом. В СЭВ не было демократии ни в одной отдельно взятой стране, ни во всей этой надгосударственной организации. В решениях, принимаемых в рамках ЕС, к сожалению, демократия также отсутствует» [с. 49].

Быстрая дезинтеграция Советского Союза стала весьма красноречивым сигналом о том, что существовали серьезные внутренние проблемы. В. Клаус отмечает, что в реальности плохо себе представлял, чем же на самом деле являлся Советский Союз, и считает невероятным, что распад протекал так легко, так быстро, без большого насилия. Первое десятилетие после распада Советского Союза было отмечено оборонительной политикой России, вытекающей из ее внутренних проблем ельцинского периода, что нельзя сказать о втором десятилетии, которое ознаменовалось усилением позиций России. «Во втором путинско-медведевском десятилетии Россия не перешла в наступление (думаю, что говорить о «наступлении» и новых имперских амбициях было бы не совсем точно), а заняла «нормальные» позиции великой страны, соответствующие ее силе и величине. В первой фазе преобладал образ России, утомленной крахом коммунизма и распадом Советского Союза, во второй постепенно начал формироваться

образ “новой” России, которая сегодня живет с ощущением, что имеет право на свое место “под солнцем”, а не только на извинения за свое прошлое. Мы должны были бы быть честными и признать, что коммунизм, более чем за 70 лет, нанес наибольший вред как раз самой России (если говорить о нашей части света) и людям, которые в ней жили и продолжают жить» [с. 52].

С крахом коммунизма и распадом Советского Союза связано одно исключительно внутриевропейское и даже скорее центрально-европейское событие, произошедшее вскоре после падения Берлинской стены – быстрое объединение Германии. И если после Второй мировой войны раздел Германии был ключевым моментом в дальнейшем формировании Европы, то и ее объединение после окончания холодной войны сыграло и продолжает играть такую же принципиальную роль. В то же время Клаус отмечает: «То, что Германия занимает сегодня в Европе столь сильную позицию, не является результатом ее объединения. Главную роль в этом играет ошибочный, хотя и очень для Германии выгодный и в конце концов ею придуманный и твердо осуществляемый на протяжении десятилетий, особенно тандемом Меркель–Шойбле способ европейской интеграции, которая преуменьшает роль малых и средних государств и под предлогом европеизации создает для большой и сильной Германии возможность доминировать в Европе» [с. 58].

Самый важный урок, который мировая общественность вынесла из событий на Балканах, которые В. Клаус определяет как югославскую трагедию, заключается в следующем. Военное «решение» (это были первые две боевые операции НАТО с момента возникновения Альянса) было увертюрой к войнам в Ираке и Афганистане, которые изменили мир. Он стал менее стабильным, нежели был до них, хотя подобные операции оказались малоэффективными. И к сожалению, их побочные эффекты были очень значительными. Его вывод однозначен и бескомпромиссен – он обвиняет международное сообщество (и главных игроков – США, Германию и др.) в том, что они это допустили и тем самым сделали возможной балканскую драму, которая «в тихой версии» длится до настоящего времени.

С подписанием Маастрихтского договора европейская интеграция вступила в качественно новый, «более высокий» период. Было окончательно подтверждено, что первоначально задуманная интеграция стран преобразовалась в унификацию континента. Начатая в Маастрихте фаза европейской интеграции, достигла поставленной цели с подписанием Лиссабонского договора.

Маастрихт способствовал возникновению еще одной хорошо заметной сегодня проблемы: был одобрен проект общей (или единой) европейской валюты. В. Клаус принадлежит к тем, кто с самого начала видел концептуальную ошибочность этого проекта, его

очевидную преждевременность (не было необходимой степени гомогенности современного сообщества европейских стран), его неадекватный масштаб (первоначально 12, в настоящее время 17 вместо значительно меньшего числа действительно гомогенных стран).

Еще одним определяющим моментом начала 1990-х годов для всей Центральной, Восточной и Южной Европы стала, по мнению автора, естественная национальная эмансипация отдельных частей прежних относительно спокойных Федераций. Это привело к ожидаемому в определенной мере распаду Советского Союза и Югославии и к последовавшему за этим неожиданному для многих распаду Чехословакии, которая с 1968 г. также была Федерацией.

Анализируя развитие Чешской Республики в последние 20 лет, В. Клаус утверждает, что рыночная экономика не является гарантией экономического роста и приводит целый ряд экономических показателей, аргументирующих это положение на примере чешского валютного кризиса 1997 г.

11 сентября 2001 г. завершило десятилетие, в котором мир собирался с силами после падения коммунизма и с надеждой ждал фукуямовскую нирвану конца истории под крышей либерального капитализма и американского доминирования. 11 сентября разрушило эту в целом нереалистическую, утопическую концепцию и предоставило Западу шанс найти нового глобального врага, в борьбе с которым можно было попытаться

снова объединиться и мобилизовать себя. Результатом этого было провозглашение глобальной борьбы с терроризмом, две проблемные войны в Ираке и в Афганистане, ослабление – вместо усиления – западного союза, ухудшение международной ситуации.

В. Клаус считает 2003 г. и войну в Ираке началом испытания новой формы политики и политических амбиций, пробным шаром легитимизации политики интервенционизма, методом установления единственно близкой западной цивилизации модели общественного устройства в странах, в которых эта модель никогда в прошлом спонтанно и самопроизвольно не возникала. И в которых для нее нет элементарных условий. Это была попытка экспорта демократии западного типа в совершенно иную среду, попытка использовать общественные настроения после 11 сентября и этот экспорт демократии прикрыть лозунгом борьбы против международного терроризма. Автор приходит к выводу, что эта попытка нанесла ущерб всему миру, ситуации в арабском мире и правым силам во всем мире.

После принятия Лиссабонского договора Европа, по мнению чешского политика, окончательно вступила в период постдемократии. Этот договор невероятным образом усилил власть политиков, которые принимают решения при полном отсутствии контроля со стороны своих избирателей.

Финансовый и экономический кризис 2008–2009 гг., который случился в конце первого десяти-

летия XXI в., его неожиданные быстрота и глубина, стали явлением, которое ознаменовало крушение предыдущего хода событий и которое имеет и будет иметь долгосрочные экономические, политические и идеологические последствия. В. Клаус считает этот кризис более глубоким, чем все кризисы, начиная с 1930-х годов прошлого века, а его причинами – жизнь с необоснованными иллюзиями о невозможности возникновения каких-либо серьезных проблем в экономической, социальной и других сферах. Такое поведение, отмечает В. Клаус, в немалой мере усилилось беззаботностью, которая распространилась на Западе после падения коммунизма и после окончания «холодной войны». Ее частью является тезис о конце истории и тому подобные иллюзии.

Смерть Леха Качиньского, которого Клаус называет своим другом, была громом среди ясного неба. Это была и есть огромная потеря для Польши, для Европы, для посткоммунистического мира Центральной и Восточной Европы. На мировые и европейские события Лех Качиньский смотрел глазами поляка. Это формировало и его взгляды на Европу, и на сегодняшние насильственные методы ее объединения. Ему было тяжелее, чем Клаусу, потому что Польша более интегрирована в ЕС, чем Чешская Республика. Для рассуждений поляка Леха Качиньского ключевым всегда было отношение к России, а именно – стремление сделать так, чтобы ни-

когда больше не повторялось ее неблагоприятное влияние на польскую историю. Потеря президента Качиньского в глазах автора является потерей не только для Польши, но и для всего региона Центральной и Восточной Европы, потому что он был в этой части мира (все два десятилетия со времени падения коммунизма) единственной значительной личностью, которая могла войти в европейскую историю.

Для В. Клауса весна 2011 г. принесла абсолютно неожиданный поворот в развитии одной из частей мира, которая в течение длительного времени существовала без каких-либо заметных изменений. Арабский мир, Ближний Восток и северная часть африканского континента, на протяжении десятилетий выглядел так, как будто там ничего не происходит. На примере «арабской весны» В. Клаус обосновывает свой тезис о невозможности «ввезти демократию» (и также о невыполнимости желания Запада экспортировать демократию). Он указывает, что даже европейские Бархатные революции не были импортом демократии. По его убеждению, роль «внешнего мира» в системных изменениях такого типа очень мала.

В заключительной третьей главе автор размышляет над тем, что же следует из всего вышеизложенного и задачами нашего времени. В. Клаус отмечает, что того мифического Запада, куда бывшие социалистические страны Европы хотели вернуться, уже давно не существует.

«Экономико-социальная модель современного Запада далека от действительной модели рыночной экономики, которая была генератором благосостояния Запада. Политическая модель Запада – от классической модели парламентской демократии не меньше. Как из-за отказа от самой парламентской демократии, так и из-за разрушения пространства, единственно пригодного для демократии, а именно национального (или созданного вокруг доминирующей нации) государства. Континентальное или глобальное правление по самой своей природе исключает парламентскую демократию. Путать национальную лояльность с национализмом в ходе обсуждения этих вопросов чрезвычайно несправедливо» [с. 170].

Главным источником проблем и разрушений, для которых характерны существующие неблагоприятные тенденции, В. Клаус считает новую европейскую империю с ее брюссельскими институтами, европейской идеологией и десантом в отдельных странах-членах.

Он выражает уверенность в том, что необходимо организовать оппозицию преобладающей сегодня западноевропейской эко-

номико-социально-экологической модели и выступить против подавления роли национального государства.

«Задачи нашего времени:

– остановить длительный экономический и финансовый кризис, усиленный давлением рынка и беспрецедентным увеличением всестороннего государственного вмешательства, основанного на убеждении, что государство знает лучше, чем рынок и отдельные люди, что и как производить (и потреблять);

– остановить движение к глобальному (и континентальному) правлению возвращением к стандартной политической демократии государства, образующего элементарные объекты демократического устройства (что не противоречит более низкому уровню демократического принятия решений – муниципалитетов, областей, регионов);

– сопротивляться дальнейшей эрозии традиционных ценностей и образцов поведения, к чему всемерно стремится бунт непокорной, высокомерной, псевдоинтеллектуальной толпы и ее самозванных лидеров» [с. 172–173].

Ю.А. Щербакова